

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.334.3+316.48

Л.В. Константинова

ШТРИХИ К СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

В статье предлагаются некоторые основания для построения целостной социологической теории социальной политики. Социальная политика рассматривается в контексте регулирования социальных отклонений и социального неравенства, а также как система взаимодействия социального государства и гражданского общества. На основе предложенной методологии характеризуется нынешний этап развития социальной политики в России. Статья может представлять интерес для специалистов в сфере социологии, социальной философии, социальной работы, политологии, а также для практических работников в области социальной политики.

Актуализация проблематики социальной политики является приметой последних лет для отечественной науки и социально-управленческой практики. Социальные последствия радикальных экономических реформ, выразившиеся в снижении уровня жизни подавляющей части населения и ухудшении его качественных параметров [1], а также преобразования социальной сферы [2], направленные на преодоление этих последствий, привели к тому, что ключевые аспекты социальной политики в настоящее время стали предметом острых научных, политических и идеологических дискуссий [3–9]. Данные дискуссии осложняются отсутствием единых концептуальных рамок и теоретико-методологических оснований рассмотрения социальной политики. В связи с этим актуализируется проблематика концептуализации социальной политики и теоретического поиска конструктивных направлений для ее осуществления.

За последние годы в отечественной науке и социально-управленческой практике накоплен необходимый эмпирический и теоретический материал, позволяющий начать процесс методологической рефлексии социальной политики на системном и качественном уровне [10, С. 25]. В данной статье хотелось бы представить некоторые штрихи к возможной концептуализации социальной политики, которые могли бы лечь в основу построения ее более развернутой теории.

Прежде всего, будем исходить из того, что сфера социального представляет собой сложный полифункциональный предмет социологического знания. Поэтому оно является адекватным теоретическим инструментарием для осуществления комплексной интерпретации социальной политики, для выявления ее общественного предназначения и глубинных смысловых оттенков [11, С. 29–30]. Наиболее продуктивными в этом плане становятся методологические принципы системного и структурно-функционального анализа, теории социальной стратификации и социального неравенства, теории человеческих ресурсов и социальной самоорганизации. Их реализация позволяет в качестве ключевого вопроса социальной политики обозначить вопрос о степени социального неравенства.

Социальное неравенство характеризуется не только наличием многообразия, неоднородности и функциональной специализации различных элементов общества, но и неодинаковым, неравным доступом к ресурсам последнего, необходимым для удовлетворения наиболее существенных потребностей. В этом случае элементы

общественной системы выстраиваются в виде определенной иерархии, постоянно воспроизводящейся и модифицирующейся в континууме «социальный порядок – социальный дисбаланс». По своей сути социальное неравенство выступает в виде отношений между индивидами и социальными группами, имеющими различный доступ к общественным ресурсам [12, С. 46]. Такие отношения обычно носят устойчивый и глубинный характер и эксплицируются в социологической науке как социальные отношения [13, С. 115–116].

Интерпретация социального неравенства через вскрытие его внутренне противоречивой сущности, проявляющейся в наличии позитивного и деструктивного потенциала, позволяет заключить, что проблема жизнеспособности и обеспечения целостности общества есть проблема регулирования отношений неравенства, целью которого становится нахождение оптимума в соотношении его двух противоположностей – активизации потенциала саморазвития и нейтрализации саморазрушающегося потенциала. Эффект от регулирования социального неравенства и, следовательно, возможность социальной политики становятся реальными при наличии необходимых предпосылок, связанных, прежде всего с общей массой и совокупным объемом ресурсов в конкретном обществе.

Определенный тип взаимодействий общественных субъектов институционализированного и неинституционализированного характера, сформировавшийся на протяжении XIX–XX столетий, обозначил основные траектории регулирования социального неравенства и социальных отношений, направленного на их стабилизацию. Это позволяет определить смысловое предназначение социальной политики как особой функционально значимой сферы социальной деятельности, имеющей своим содержанием целенаправленное, организованное регулирование социальных отношений, осуществляемое заинтересованными общественными субъектами в направлении формирования устойчивой, сбалансированной социальной структуры общества посредством создания условий для индивидуальной и коллективной центростремительной социальной мобильности. В результате достигается оптимальный уровень социального неравенства, обеспечивается благоприятный социальный климат и формируются необходимые условия для воспроизводства и развития человеческого потенциала.

Социально-экономическая эффективность социальной политики проявляется в том, что она является той

необходимой, обусловленной объективными социальными закономерностями сферой регулирующего воздействия, которая в современных условиях определяет развитие общества как системной целостности.

Осознание обществом необходимости регулирования социального неравенства, социальных отношений, воспроизводства человеческих ресурсов и реализация этой необходимости в реальной практике в различных формах и на основе использования комплекса различных механизмов представляет собой способность общества в лице своих разнообразных субъектов брать на себя ответственность за свое собственное состояние, за свою собственную судьбу, за состояние и судьбу своих членов.

Ответственность за социальное состояние общества и отдельных его социальных параметров может быть названа социальной ответственностью. Поэтому реализуемая обществом социальная политика есть воплощаемая социальная ответственность. В связи с этим универсальные параметры социальной политики могут быть раскрыты через ее рассмотрение в категориальной схеме социальной ответственности, которая, в свою очередь, может быть определена как особый вид отношений между элементами общественной системы, выражающийся в способности данных субъектов брать на себя и реализовывать социальные обязательства по отношению к себе либо к другим. Общественные структуры и субъекты общественной системы, принимающие на себя и реализующие подобные социальные обязательства, выступают в качестве субъектов социальной ответственности, они могут быть представлены социальными субъектами различного вида и характера корпоративности. При этом весь континуум возможных акторов социальной ответственности в совокупности исчерпывают два ее основных макросубъекта – социальное государство и социальное общество, дифференцированные внутри себя на множество конкретных и специализированных субъектов социальной ответственности.

В своей социальной активности субъекты социального государства и социального общества очень тесно связаны и переплетены между собой, хотя могут иметь различные типы активности, а также формы и виды взаимодействия и распределения обязательств. Однако наличие единого объекта – собственного общества в части его социальных процессов и социального потенциала и единых социальных целей-ценностей деятельности позволяет в совокупности рассматривать социальное государство и социальное общество как целостную функциональную систему, для обозначения которой, ориентируясь на парсоновскую методологию [14. С. 15–16], целесообразно ввести понятие «социальная социальная политика». Под ней понимается вся системно организованная совокупность социальных обязательств, реализуемых социальным государством и социальным обществом в конкретном обществе. В качестве объекта социальной ответственности может выступать любой элемент общественной системы, любой участник общественных отношений как носитель социальной потребности, но не способный самостоятельно в полной мере обеспечить ее удовлетворение и находящийся в зоне активности того или иного субъекта социальной ответственности.

В процессе реально осуществляемой социальной политики субъект и объект социальной ответственности взаимно задают и определяют друг друга, так как содержание и характер социальных обязательств, воспроизводимых в обществе, детерминируется характером и содержанием актуализированных в данном обществе социальных потребностей. В то же время связь между субъектом и объектом социальной ответственности носит специфический характер – характер политики. Поэтому тот контекст, в рамках которого складываются их взаимоотношения, обозначается не как социальная деятельность, а именно как социальная политика. Само понятие «политика» по методологии Т. Парсонса определяется как целенаправленная, преобразующая деятельность, связанная с мобилизацией и использованием тех или иных видов общественных ресурсов. В связи с этим в ракурсе наших рассуждений социальная политика предстает как целенаправленная, преобразующая деятельность, связанная с мобилизацией, использованием, перераспределением и воспроизводством социальных ресурсов.

В то же время приписывание социальной политике качества социальности позволяет не только осуществить собирание всех ее субъектов в масштабах всего общества, но и в особом ракурсе высветить ее качественное своеобразие, системный характер и центрирующую роль в рамках функционально раздифференцированного общества как ключевого фактора социальной интеграции и социального развития.

Данная логика концептуализации социальной политики приводит к необходимости анализа сущностных свойств и проявлений ее основных макросубъектов – социального государства и социального общества, дабы на последующем этапе произвести теоретический синтез более высокого уровня – в виде построения комплексных моделей социетальной социальной политики с учетом различных способов взаимодействия ее основных субъектов.

Формирование социального государства явилось результатом объективного исторического процесса, в ходе которого происходили качественные изменения функциональной направленности государства, его общественного предназначения и способов взаимодействия с обществом. Истоки социального потенциала государства обнаруживаются в самой его природе, связанной с обеспечением всеобщности в сложно дифференцированном, иерархизированном, полииндивидуализированном обществе [15. С. 30–37]. Государство социально ориентировано уже в своем генезисе, изначально формируется как институт социального компромисса. Миссией государства в обществе является обеспечение его существования в условиях баланса, компромисса множества однопорядковых и иерархизированных индивидуальных и групповых интересов. Такая миссия по своей природе социальна, так как она связана с созданием условий для достижения общих целей и сохранения коллективных форм человеческого бытия при обеспечении индивидуальной свободы и реализации индивидуального потенциала каждого.

Существенный потенциал социальности, заложенный в государственных формах организации общества, в ходе его исторического развития, сопровождавшегося усложне-

нием общественных процессов, оказался все более востребованным и к концу XIX в. постепенно обрел доминирующий характер в форме социального государства. Анализ процессов становления социального государства свидетельствует о том, что постепенная трансформация государства в виде поэтапных преобразований со временем привела к изменениям фундаментального характера, затронувшим основы функционирования государства и его предназначение в обществе [16. С. 10–12].

Позиция полного невмешательства государства в общественные процессы, в сферу регулирования социальных отношений сменилась новой формой организации государства, в соответствии с которой его основной целью стало обеспечение достойных условий жизни и благосостояния всех членов общества за счет расширения социальных функций посредством использования множества рычагов воздействия на социально-экономическую сферу [17. С. 63–64]. С помощью мер регулирующего воздействия, поддерживающих частную инициативу и ответственность граждан, социальное государство создает условия для обеспечения социальной справедливости в сочетании частных интересов и интересов всего общества через механизмы рынка, не допуская высокого социального расслоения общества и сильных разрывов в уровне жизни граждан [18. С. 12].

В процессе формирования социального государства, происходившего в контексте базовых социоструктурных изменений, постепенно отрабатывались и закреплялись основные формы государственного вмешательства (правовое и финансовое регулирование, перераспределение общественных ресурсов и производство социальных услуг). Институционализировались способы и механизмы регулирования социальных отношений, среди которых перераспределение и регулирование доходов и заработной платы; регулирование занятости и безработицы; поддержка частной инициативы и малого предпринимательства; развитие обязательного социального страхования, систем социального обеспечения и социальной помощи малоимущим и нетрудоспособным, систем пенсионного обеспечения, государственных систем образования и здравоохранения [19].

Современный арсенал социальных функций государства, уровень организационно-правовых форм, обеспечивающих их реализацию, масштабы и результаты регулирующего воздействия социального государства на общество позволяют определить его как закономерный результирующий этап глобальной социальной трансформации и как особый тип высокоразвитого государства, берущего на себя максимальную ответственность за социальные процессы в обществе и за его социальное развитие [4. С. 14]. Занимая одно из главных мест в системе регулирования социальных отношений, социальное государство становится основным актором социальных процессов и активным макросубъектом социальной политики. Определяя базовые параметры и систему координат социальной политики, социальное государство создает условия для гармонизации отношений между государственными, общественными институтами и индивидуальными гражданами [20. С. 27].

Множественность конкретно-исторических моделей социального государства, активизирующиеся тенденции децентрализации социальной деятельности государственных

институтов и мультипликации субъектов социальной политики свидетельствуют об устойчивой жизнеспособности социального государства на неопределенную перспективу. В то же время социальное государство, реализующее широкий спектр социальных обязательств, как макросубъект социальной политики ограничено в своих возможностях по удовлетворению множества социальных потребностей, воспроизводящихся в обществе, и реализации социальных функций, направленных на регулирование неравенства и развитие людских ресурсов. Границы возможностей социального государства определяются рядом факторов, активизировавшихся в конце прошлого столетия, среди которых основными являются:

- несоответствие традиционных административно-бюрократических методов организации государственной деятельности, изменившейся в сторону усложнения и динамики общественной ситуации [21. С. 15–24];

- разрастание государственных социальных расходов и аппаратов, неэффективность государственных социальных служб, высокие административные издержки их деятельности;

- влияние патернализма и увеличения социальных расходов государства на сдерживание экономического роста за счет высоких налогов, ограничений конкурентоспособности и распространения иждивенчества;

- интернализация, региональная интеграция и глобализация, усиление международной конкуренции, требующей сокращения социальных расходов правительств [22. С. 233–248];

- парадигмальная смена государственно-центристской модели социума общественно-центристской моделью, децентрализация управления, мультипликация и индивидуализация центров власти в обществе [23];

- воспроизводство в обществе новых, более сложных и специфических социальных проблем, не поддающихся решению с помощью традиционных универсалистских методов деятельности государственных служб.

Перечисленные факторы стали причиной кризиса, охватившего многие социальные государства в конце XX в., и проявившегося в неспособности традиционного социального государства справиться с множеством возобновляющихся социальных проблем в совокупной социальной ответственности, воспроизводящейся в обществе [24. С. 33]. Пути выхода из этого кризиса пролегают сегодня в направлении не только модернизации систем государственного управления и деятельности государственных служб, но и активизации негосударственных акторов в социальной сфере.

Поэтому в рамках концептуализации социальной политики актуализируется вопрос о потенциале негосударственных самоуправляемых общественных субъектов в сфере социальной ответственности [25. С. 138–139]. Аппеляция к исследованиям ряда классиков социологической мысли [26–30] позволяет обоснованно говорить о наличии такого потенциала в виде способностей общества к разнообразным формам самоорганизации, самоуправления, социальной солидарности, к негосударственным формам коллективности, к ассоциативности на различных уровнях и в различных сферах жизнедеятельности. Данный потенциал и данные возможности общества, которые активно воспроизводятся в современных условиях во всех моделях социальной политики, следует рассматри-

вать как отдельный специфический феномен, требующий аналитического оформления, для чего в категориальной схеме производимой концептуализации предлагается ввести специальное понятие – «социальное общество». С помощью этого понятия на теоретическом уровне появляется возможность высветить собственно социальный аспект гражданского общества, дифференцировав его от политической, экономической, культурной и иных составляющих, а также в обширном множестве неинституционализированных и догражданских форм коллективного взаимодействия и индивидуальной активности обозначить те из них, которые обладают качествами субъектности в сфере социальной политики.

Теоретическое конструирование вводимого понятия, в категориальных рамках – общество, гражданское общество – позволяет заключить, что понятие «социальное общество» отражает социальную направленность индивидуальных и коллективных гражданских и догражданских инициатив, реализуемых в обществе вне сферы деятельности социального государства на основе самоорганизации, самоинициативы и самоответственности его членов. Социальное общество включает в себя разнообразный спектр негосударственных форм коллективности, имеющих различную степень институционализации, способных самостоятельно, без участия государства, под свою ответственность, через мобилизацию собственных ресурсов и использование собственных средств и возможностей, на основе различных организационных параметров осуществлять значимые социальные функции и брать на себя широкие социальные обязательства по отношению к своим членам. Поэтому в системе социетальной социальной политики социальное общество выступает в качестве ее макросубъекта, функционирующего наряду и в совокупности с социальным государством, за пределами его границ, в качестве его дополнения, компенсации его издержек и замещения его социальных функций [24. С. 37–39].

Социальное общество имеет полиструктурированный характер и включает в себя множество элементов, которые представляют собой особые сгустки социальной разнородности плана, образующиеся и функционирующие в различных участках социального пространства, за исключением зоны государственной социальности. Природа элементов социального общества более динамична и более адаптивна к изменяющимся социальным потребностям, чем природа структурных элементов социального государства [31. С. 135].

Критерием отнесения разнообразных форм негосударственной коллективности к социальному обществу следует считать наличие у них способности инициировать и брать на себя социальные обязательства и самостоятельно обеспечивать их реализацию, т.е. способности к социальной самоответственности. В качестве основных структурных элементов социального общества могут быть названы институты гражданского общества («третий сектор»), непрофильные предприятия и учреждения (корпорации) в части их корпоративной социальной политики, местные сообщества, неформальные сети социальной поддержки, семья, индивидуальные граждане.

Многообразие форм проявления социального общества свидетельствует о его широких возможностях в сфере реализации совокупной социальной ответственности и социа-

тальной социальной политики, о его компенсирующем характере по отношению к социальному государству [32. С. 44–62] и о наличии зон его собственной компетенции.

Следующий уровень концептуализации социальной политики является синтетическим, так как предполагает ее рассмотрение в качестве определенной целостности – системы взаимодействия социального государства и социального общества – и на основе этого выявление ее социетального характера. Использование методологии концептуального моделирования позволяет зафиксировать различные типологические модели социальной политики, предполагающие разные способы взаимодействия и степень участия социального государства и социального общества в ее реализации [33].

Во-первых, в том или ином обществе социальная ответственность может быть распределена между ее субъектами в различных пропорциях. При этом чем больше и разнообразнее в обществе субъектов социальной ответственности, тем больше в количественном и качественном плане в нем реализуется социальных обязательств. И наоборот – моносубъектность социальной политики уменьшает возможность и качество реализации социальных обязательств.

В системе социетальной социальной политики наличие и функционирование социального государства не обязательно предполагает наличие полноценного социального общества. Степень созревания социального общества в конкретных странах может быть разной, поэтому в системе социетальной социальной политики может иметь место доминирование социального государства над социальным обществом.

В то же время не исключены ситуации, когда при минимальном социальном государстве существенное развитие получает социальное общество, когда гражданское общество активно формирует свои институты не только в политической и экономической сфере, но и в социальной, а в количественном плане аккумулирует и использует больший, чем государство, объем ресурсов на реализацию социальных обязательств. В этом случае стоит говорить о доминировании социального общества в системе социетальной социальной политики. Ну и естественно, не исключается возможность отсутствия доминирования социального государства или социального общества в реализации совокупных социальных обязательств, их равное участие в реализации социетальной социальной политики и, соответственно, равномерное распределение социальной ответственности между ними.

Во-вторых, между субъектами социальной ответственности в процессе ее реализации в рамках социетальной социальной политики как системы могут складываться различные виды взаимоотношений, среди которых наиболее типичными являются:

- паритетное взаимодействие (параллельные, непересекающиеся и не мешающие друг другу действия);
- конкуренция (пересекающиеся действия со скрытым конфликтом интересов);
- партнерство (взаимодополняемость, долевое участие);
- руководство-подчинение, господство-зависимость;
- взаимостимулирование активности (в большей степени непересекающейся).

Конкретные формы, методы, способы реализации социальной ответственности различны у различных ее

субъектов, что определяется общей спецификой функционирования каждого из них. Поэтому, осуществляя интеграционную миссию в масштабах общества в целом и имея универсальные параметры в своей основе, социальная политика разнообразна, множественна и динамична в формах их проявления и реализации.

Действующие в конкретном обществе нормативная система и система ценностей определяют общий масштаб и уровень социальной ответственности, установленной и реализуемой в нем, а также механизмы ее распределения между отдельными субъектами. В конкретно-историческом и управленческом аспекте проблема системной организации социетальной социальной политики всегда предстает в виде проблемы определения оптимальных границ между социальным государством и социальным обществом и способов взаимодействия между ними в процессе реализации совокупных социальных обязательств и совокупной социальной ответственности.

Экстраполяция предложенной теоретической конструкции на современную российскую действительность позволяет в качестве гипотетического утверждения, требующего развернутой эмпирической проверки, полагать, что сегодня Россия находится в ситуации выбора и формирования наиболее оптимальной модели социетальной социальной политики. Основная проблема, сопровождающая в настоящий период данную ситуацию, — отсутствие полноценных субъектов социальной политики на макроуровне. Ни социальное государство, ни социальное общество не сформировано у нас пока в той степени, которая необходима для придания социальной политике системного характера и для реализации какой-либо из ее типологических моделей. Поэтому современная стадия развития социетальной социальной политики в Российской Федерации и в ее отдельных регионах может быть обозначена как стадия формирования ее основных макросубъектов — социального государства и социального общества и их значимых элементов, осуществляющаяся параллельно с институционализацией оптимальных форм взаимодействия между ними. В процессе формирования пространства социетальной социальной политики в России прослеживаются следующие тенденции:

- изменяется роль государства в осуществлении социальной политики, что проявляется в ее децентрализации и муниципализации, в сокращении масштабов государственного вмешательства в социальную сферу;
- активно формируется негосударственный, частный сектор социальных услуг;
- изменяется социальная позиция семьи и личности по отношению к государству, постепенно увеличивается доля ее социального участия и ответственности;
- сокращается сфера корпоративной социальной политики предприятий в результате процесса муниципализации их социальных объектов;
- увеличивается роль третьего сектора, институтов гражданского общества, некоммерческих неправительственных организаций в осуществлении социальной политики.

Данные тенденции свидетельствуют о том, что на фоне минимизации государственной и корпоративной социальной ответственности наблюдается определенный рост социальной ответственности третьего сектора и семьи. Однако проблема заключается в том, что сокращение социальных обязательств государства и предприятий не компенсируется в адекватных масштабах приращением социальных возможностей общественных организаций и индивидуальных граждан. В результате этого обширный спектр традиционных социальных обязательств и вновь воспроизводящихся социальных потребностей оказывается вне зоны реализации и удовлетворения, а в совокупном пространстве социетальной социальной политики образуется вакуум социальной ответственности, т.е. сфера «социальной безответственности». Такая ситуация, с одной стороны, приводит к росту социального недовольства среди населения, а с другой — к возникновению в незаполненных участках данного социального пространства так называемых «квазисубъектов» социальной ответственности, к которым могут быть отнесены всевозможные теневые способы реализации социальных обязательств и удовлетворения социальных потребностей. В результате этого происходит увод значительной части ресурсов из зоны официальной государственной и общественной социальной ответственности, а также порождается бесконтрольность и бессистемность реализации социальных обязательств.

Формирование системы социальной политики предполагает поиск механизмов оптимального распределения социальной ответственности между ее основными субъектами, обеспечивающего минимум вакуума социальной ответственности, а также активизацию условий для перевода ее квазисубъектов на уровень официальных, полноценных субъектов социальной политики, т.е. условий для их институционализации. Поэтому поле для инноваций государственного участия в реформировании социальной сферы лежит в области продуцирования новых стимулов, привлекающих семью, частный, общественный сектор и индивидуальных граждан к активному финансовому и деятельностному участию в реализации социальной политики. На этой основе сегодня возможно продуцирование протомodelей социальной политики, которые постепенно закладывают фундамент «здания» полноценной российской модели социетальной социальной политики, адаптированной именно к ее социально-культурным условиям.

Предложенная в данной статье схема социологической концептуализации социальной политики открывает новые возможности и ракурсы теоретической реконструкции предельно сложных явлений социальной жизни, а также дает свежее методологическое снаряжение для проникновения в их сущность и для воспроизведения их системных характеристик как на теоретическом уровне, так и на уровне эмпирических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Римшевская Н.С. Социальные последствия экономических трансформаций в России // Социологические исследования. 1997. № 6.
2. Холостови Е.И. Социальная политика. Учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2001.
3. Бородин Ф.М. Социальная политика: власть и перестройка // Постигшие. Социология. Социальная политика. Экономическая реформа. М.: Прогресс, 1989.
4. Бурджалов Ф.Э. Современная социальная политика: между планом и рынком. Учебное пособие. М.: Фирма Гардарики, 1996.

5. Волгин Н.И. Социальная политика XXI // Государственная служба. 2001. № 4 (14).
6. Ракитский Б. Стратегия социальной политики в обществе переходного типа // Проблемы теории и практики управления. 1995. № 5.
7. Смирнов С.Н. Региональные аспекты социальной политики. М.: Гелиос АРВ, 1999.
8. Шаронов А. Эволюция социальной политики: тенденции и перспективы // Общество и экономика. 2000. № 7.
9. Лавриненко И.М. Государственная социальная политика РФ: опыт и проблемы трансформации (80-е – первая половина 90-х годов XX столетия): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000.
10. Социальная политика и социальная работа в изменяющейся России / Под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М.: ИНИОН РАН, 2002.
11. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политизда, 1992.
12. Кулаков П.А. Социальная политика в России (социологический анализ). Новосибирск: НГУ, 1998.
13. Жуков В.И. Россия: состояние, перспективы, противоречия развития. М.: Союз, 1995.
14. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998.
15. Ахиезер А.С., Яковенко И.Г. Что же такое общество? // Общественные науки и современность. 1997. № 3.
16. Торлопов В.А. Социальное государство: сущность и генезис // Человек и труд. 1998. № 5.
17. Рынок труда и социальная политика в Центральной и Восточной Европе: Переходный период и дальнейшее развитие. М.: ИКИ «ДИС», 1997.
18. Коробов С.Е. Социальная функция государств с рыночной экономикой // Государственная власть и местное самоуправление. 2001. № 1.
19. Батищев И.М., Смирнов К.А., Филимонов П.И. Социально-ориентированные модели рыночной экономики. М., 2001.
20. Гончаров П.К. Социальное государство: сущность, мировой опыт, российская модель // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 2.
21. Хилл Х. Стратегия успеха государственного управления // Государственная служба: Проблемы реформирования. Зарубежный опыт. Вып. 8. М., 1995.
22. Meyer J. Globalization: sources and effects on national states and societies // Intern. Sociology. 2000. Vol. 15. № 2.
23. Pierre J. State Models and Economic Development: Controversies, Convergences and Consequences. A Paper for the IPSA Congress, Seoul, 1997.
24. Шанин Г. Социальная работа как культурный феномен современности: новая профессия и академическая дисциплина в контексте социальной теории и политической практики наших дней // Взаимосвязь социальной работы и социальной политики / Под ред. Ш. Рамон. М.: Аспект Пресс, 1997.
25. Штрассер Й. Будущее социального государства // Социальное государство в Западной Европе: Проблемы и перспективы. Проблемно-тематический сборник. М., 1990.
26. Токвиль Алексис де. Демократия в Америке. М.: Весь мир, 2000.
27. Дьюи Д. Общество и его проблемы. М.: Идея-Пресс, 2002.
28. Элиас Норберт. Общество индивидов. М.: Практика, 2001.
29. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998.
30. Хабермас Ю. Демократия. Разум, Нравственность. М.: Наука, 1992.
31. Пиеницина О.В. Общественные организации как субъект социальной работы // Социологические исследования. 2000. № 6.
32. Лейн Малькольм. Сообщество как основа социальной политики и социального действия // Взаимосвязь социальной работы и социальной политики / Под ред. Ш. Рамон. М.: Аспект Пресс, 1997.
33. Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge, 1990.

Статья представлена кафедрой этики, эстетики и культурологии Института искусств и культуры Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Философия» 9 марта 2004.

А.В. Коняшкин

ПРОБЛЕМЫ ГОЛОСОВАНИЯ «ПРОТИВ ВСЕХ»

Статья посвящена феномену «протестного» голосования. В ней рассматривается, кто и почему голосует «против всех», а также поднимается вопрос, нужна ли вообще эта графа в избирательном бюллетене

Россия, по всей видимости, настолько уникальная страна, что в ней принимает специфичные формы абсолютно все, в том числе и процесс голосования на выборах. Речь пойдет не о самом избирательном законодательстве (хотя и его мы коснемся чуть дальше), а о таком феномене, как голосование «против всех». Эта неизменно последняя строка всех наших избирательных бюллетеней породила ряд определенных проблем, которые возникли именно в России.

Начнем с того, что до конца не ясно, откуда вообще взялась графа «против всех». Одни весьма известные политологи, например Виктор Гущин, утверждают, что «скорее всего, это произошло по недосмотру законодателей, никакой особой потребности включать в избирательные бюллетени эту графу не было. Но поскольку все свои демократические устремления мы сверяли с образцами западных демократий, решили по аналогии ввести голосование «против всех» и в нашу электроальную практику» [1]. Немало и тех ученых, которые считают, что это чисто российское изобретение. Официальная власть в лице председателя Центральной избирательной комиссии Александра Вешнякова тоже утверждает, что строка «против всех» была придумана нами: «Россия была единственной страной мира, которая в 1993 г. ввела в избирательном бюллетене строку

«против всех». Это стало своеобразной мерой, чтобы предотвратить подделку незаполненных бюллетеней, а также давало возможность выразить особое мнение избирателя» [2].

Так или иначе, но после того, как графа «против всех» все-таки появилась, вдруг оказалось, что она стала любимым пунктом тысяч, а порой и миллионов россиян. Год за годом, набирая вес, ответ «против всех» стал все чаще занимать третье, второе и даже первое место. В 1995 г. на парламентских выборах из 43 партий только 10 сумели набрать больший процент, чем ответ «против всех». Казалось бы, это эпоха становления демократий и партий слишком много, электорат еще не освоился. Но в 1999 г. графа «против всех» заняла уже шестое место, пять партий набрали больший процент, а двадцать три – меньший. В декабре 2003 г. ответ «против всех» отвоевал еще одну позицию и оказался на пятом месте. Только четыре партии, преодолевшие, кстати, 5 % барьер, сумели набрать больший процент. Это общенациональные результаты, а по отдельным территориям ответ «против всех» порой занимает и первое место.

Следующая проблема частично вытекает из такого неожиданного лидерства. Центральная избирательная комиссия (ЦИК) Российской Федерации практически на-